

Сплетение музыки и литературы в концертах ОРШ | L'enlacement de la musique et de la littérature dans les concerts de l'OSR

Author: NG, [Женева-Лозанна](#) , 16.01.2020.

Дмитрий Шостакович и Бенджамин Бриттен в Союзе композиторов СССР, 1960-е гг.
(Фото - С. Хенкин (с) Архив Д. Шостаковича)

Постоянные читатели Нашей Газеты знают, что нынешний сезон Оркестра Романдской Швейцарии проходит под знаком двух крупнейших композиторов XX века

– Дмитрия Шостаковича и Бенджамина Бриттена. В преддверии предстоящих концертов – еще несколько штрихов к их портретам.

|

Les fidèles lecteurs de Nasha Gazeta savent que cette saison de l'Orchestre de la Suisse Romande se déroule sous le signe de deux compositeurs majeurs du XXe siècle – Dmitri Chostakovitch et Benjamin Britten. La veille de deux prochains concerts, voici quelques jetés à leur portraits.

L'enlacement de la musique et de la littérature dans les concerts de l'OSR

Шостаковича и Бриттена связывали не только возраст и опыт Второй мировой войны, но и глубокое творческое единомыслие, ставшее основой многолетней дружбы. Страстные любители литературы, оба композитора мастерски использовали великие тексты для передачи миру собственных ощущений, переложенных на музыку. Так, Артур Рембо вдохновил Бриттена на его «Озарения», одно из наиболее личностных и пронзительных его сочинений. Шостакович в своей посвященной английскому другу Четырнадцатой симфонии создал цикл прекрасных мелодий, навеянных стихотворениями Гарсия Лорки, Апполинера, Кюхельбекера и Рильке, объединенных общей темой – темой смерти. А *Lachrymae* – настоящий шедевр и вершина лиризма в музыке – в очередной раз сближает Бриттена с советским коллегой.

Все три изумительных произведения исполнят 29 января в Женеве и 30 января в Лозанне Оркестра Романдской Швейцарии под управлением английского дирижера Александра Шелли и международный состав солистов: Эльчим Оздемир (Турция, первый альт ОРШ), Эндрю Стэйплс (тенор, Великобритания), Асмик Григорян (сопрано, Литва) и хорошо знакомый швейцарской публике российский бас Михаил Петренко.

Об истории выдающихся сочинений читателям Нашей Газеты рассказывает доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова Людмила Ковнацкая.

***Lachrymae* op. 48a (1976) «отражения» песни Джона Дауленда для альты и малого струнного оркестра**

Среди старых мастеров, чью музыку Бриттен любил настолько, что желал с нею сочетаться в композиторской работе, – английский лютнист, автор дивной красоты меланхолических песен и изящных танцевальных пьес Джон Дауленд (John Dowland, 1563–1626). В привязанности к Дауленду сказалось влияние близкого друга композитора, Питера Пирса, начавшегося карьеру во второй половине 1930-х годов певцом группы English Singers, репертуар которой составляли мадригалы Елизаветинских мастеров. Преданность Дауленду Пирс сохранял на протяжении всей жизни, выступая в ансамбле с Бриттеном за фортепиано и с лютнистом Джулианом Бримом – опытным редактором и издателем старинной лютневой музыки и, в частности, Дауленда.

Джон Дауленд (DR)

Сочиняя в разные годы для альта и гитары (Nocturnal op. 70, 1963) Бриттен

обращается к лютневым песням Дауленда – наиболее знаменитым, ставшим символами наследия Дауленда и Елизаветинской эпохи. Это в альтовой пьесе *Lachrymae* – песня «Если б жалобы мои» (“If my complains could passions move”), вышедшая в свет в 1597 году в коллекции «Первая книга песен», и собственно *Lachrymae* – «Лейтесь, слёзы» (“Flow my tears”), опубликованная в собрании «Вторая книга песен» 1600 года; в гитарной пьесе “Nocturnal” – «Приди, глубокий сон» (“Come, heavy sleep”) из «Первой книги песен». В них тема слёз доминирует также, как во всем творчестве Дауленда. Они представляют самобытную красоту композиторского стиля, позднее названного чисто английским: пластичность движения, выразительность мелодики, гармоничный союз слова и музыки, идеальная просодия, ритмическое разнообразие и гармонические находки.

Павану, медленный танец-шествие, *Lachrymae* цитировали современники Дауленда. Она дала название сборнику, опубликованному в 1604 году – «*Pavana Lachrymae 7 tears*», в предисловии к которому автор пишет: «... заглавие обещает вам слёзы – как нежеланных гостей в радостные мгновения. Но это не обычные слёзы печали – это светлые слёзы, которые проливает Музыка...». Бриттен, вторя Дауленду, пишет: «Джон Дауленд в рукописи одной из своих пьес оставляет подпись: “*Semper Dowland, sember dolens*” (“Всё тот же Дауленд, по-прежнему скорбящий”), и в этой пьесе отражается сумрачная, глубокая меланхолия, которая коренится в Елизаветинской эпохе».

Тип работы с песнями Дауленда, композицию на их основе Бриттен определяет необычным термином – *reflections* («отражения»), то есть размышление, рефлексия, и это идеально соответствует характеру сочиненных им пьес для инструментов, тембр которых предназначен музыке, обращенной внутрь души.

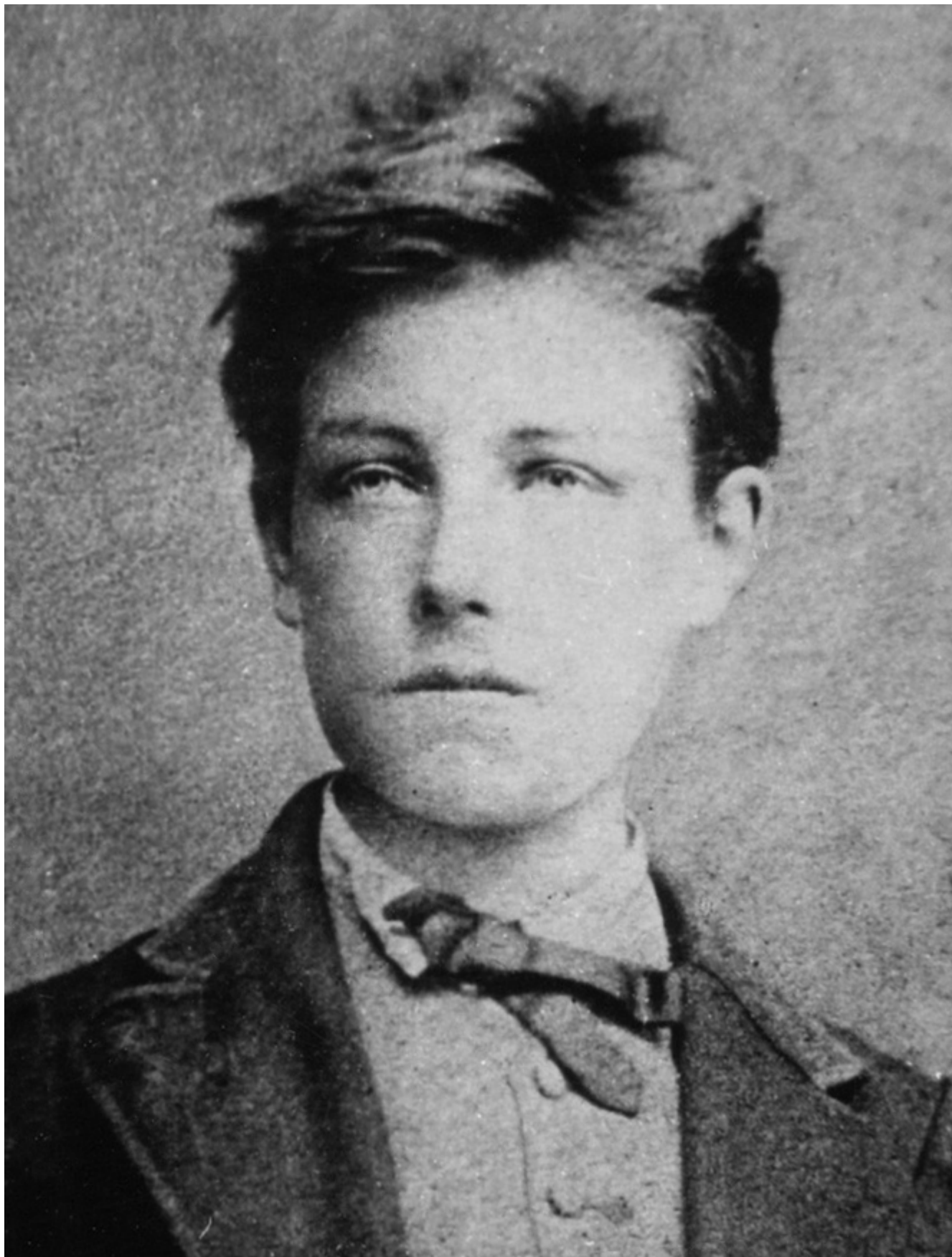
Lachrymae Бриттена представляет собой десять вариаций с медленной интродукцией и кодой. Медлительное течение элегической музыки оживляют подвижные жанровые эпизоды, лишь на мгновение отвлекающие от глубоко выразительного, меланхолического пения альты.

Для Бриттена, склонного к экономии музыкально-конструктивных средств, материал песни Дауленда «Если б жалобы мои» богат и даже избыточен: композитор варьирует лишь первую мелодическую линию Дауленда (на ней строятся почти все вариации). Совсем новый материал – песню «Лейтесь, слёзы» – он вводит в шестой вариации. А со следующей, седьмой вариации возобновляет работу с той же фразой прежней песни. Всю мелодию целиком он проводит лишь в самом конце цикла. Что дает подобный драматургический прием? – его эффект замечательный: слушателю вручается продолжение мелодии, которое он будто ожидал, его восприятие вознаграждено продлением прекрасной песни, ее законченностью. Слушатель шел к ней как к награде, композитор – как к молитве.

Les Illuminations, op. 18 (1939) на стихотворения Артюра Рембо для высокого голоса и струнного оркестра

«Озарения» – не первый опыт Бриттена с французским текстом; по свидетельству друзей, он любит французскую поэзию. 15-летним он впервые обратился к ней, написав четыре песни для сопрано с оркестром на стихи Гюго и Верлена (*Quatre chansons françaises*), а в 1942 году тонко аранжировал восемь французских народных песен (*Folk Song Arrangements, vol. 2, France, 1942*). Девять частей образуют цикл. «У

меня, единственного, есть ключ к этому буйному празднеству!» – эта фраза, составляющая вокальную партию краткой первой части «Фанфары», становится смысловым ключом цикла. Она же определяет характер драматургического плана, особенность которого заключается в чередовании картин, вызванных буйным поэтическим воображением. Бриттена привлекла, вероятно, не только контрастная красочность настроений, но и самобытность просодии «Озарений»: в них, состоящих из стихов и поэтической прозы, передана гипнотическая игра звуков, музыкальная инструментовка слова, которую Рембо открыл и провозгласил в известном сонете «Гласные».

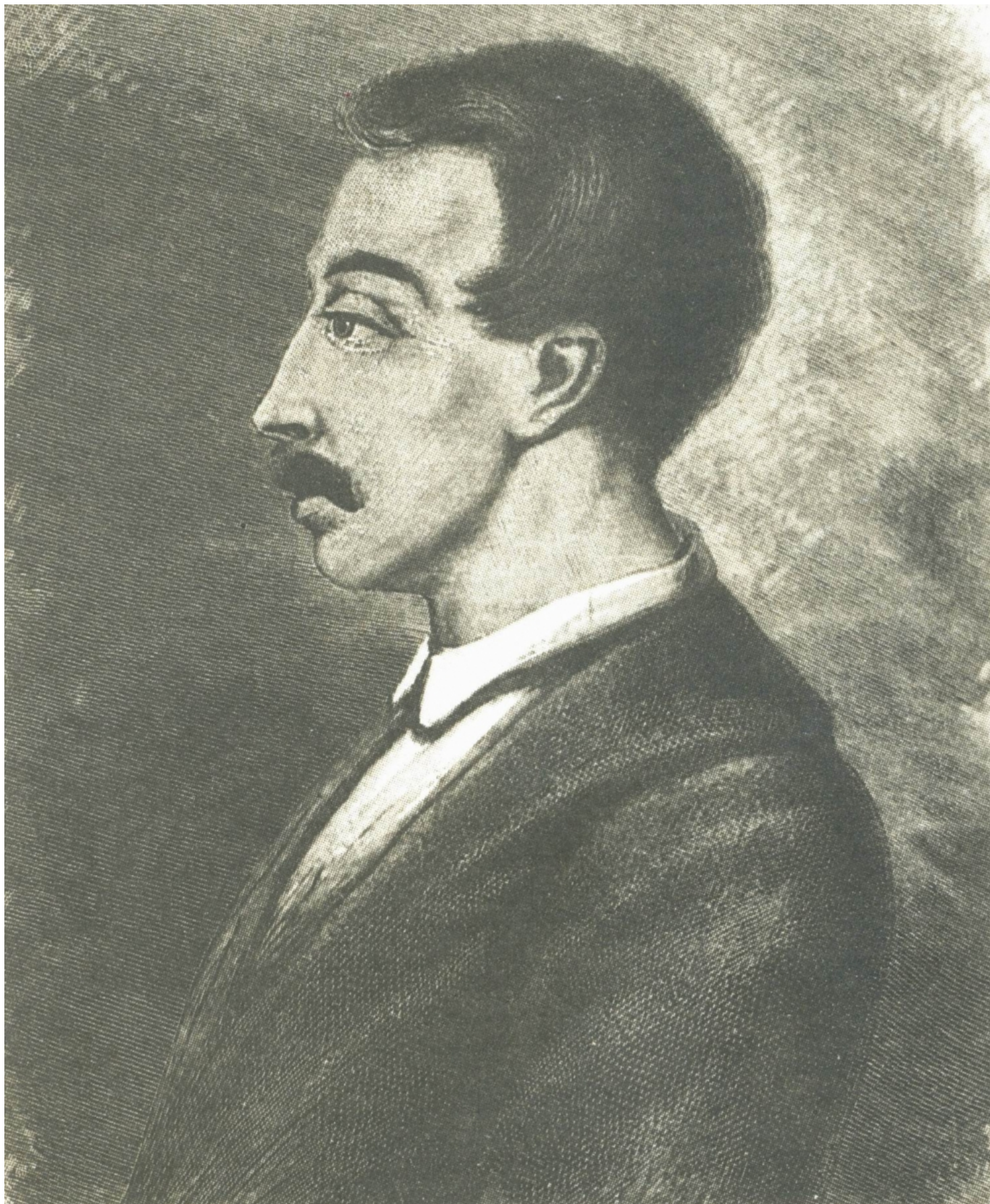

Артур Рембо в возрасте 17 лет, 1871 г. Фото (с) Étienne Carjat

«Озарения» – третий по счету из 13 вокальных циклов Бриттена. Его премьера состоялась в Лондоне 30 января 1940 года. В нем, отличающемся лаконизмом частей, ясностью их структурных очертаний, экономией средств выразительности,

становится мастерским бриттеновский колористический дар. Живописные страницы цикла предвосхищают многие дальнейшие находки композитора в этой области – и в вокальных циклах, и в операх.

Очевидно, что творческое взаимное влияние Шостаковича и Бриттена было не столько отражено, сколько сложно преломлено. Грани множатся, ассоциации разветвляются. Обогащается семантика языка. Под поверхностным слоем значений проступают глубинные и более объемные смыслы. Текст становится внутренне многоголосым. Голоса узнаваемы. Их распознавание и поиск первоисточника как первоначения помогают раскрыть тайный смысл музыки.

И. Матюшин. Вильгельм Кюхельбекер, гравюра с неизвестного оригинала, Музей Пушкина, Санкт-Петербург

Именно так происходит в **Четырнадцатой симфонии** Шостаковича, посвященной Бриттену. В ее третьей части («Лорелея») Дмитрий Дмитриевич трижды проводит мелодический мотив Питера Граймса. Этот же мотив появляется в наивысший, самый сокровенный миг исповеди Катерины Львовны («За что, за что такая судьба?») и

исповеди Питера Граймса («Где та лежит земля?..»). В интонационной пластике этого мотива слышится голос Малера, мелодике которого столь свойственны лирическая экспрессия и экзальтация. С бесчисленными вариантами этого мотива в Четвертой и Пятой симфониях Малера, в его «Песни о земле» лейттема Бриттена и фраза Шостаковича состоят в «первой степени родства».

От редакции: Билеты на концерты легче всего приобрести на [сайте Оркестра](#).

[швейцарская литература](#)

[литература швейцария](#)

[концерты в Швейцарии](#)

Статьи по теме

[Бриттен и Шостакович](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/spletenie-muzyki-i-literatury-v-koncertah-orsh>